

Максим Горький

Тюрьма

Максим Горький

Тюрьма

«Public Domain»

1904

Горький М.

Тюрьма / М. Горький — «Public Domain», 1904

«Над городом неподвижно стояли серые тучи; на грязную землю лениво падал мелкий дождь, окутывая улицы тусклой, дрожащей тканью... Окружённая плотной цепью полицейских, по мокрому тротуару, прижимаясь к сырým стенам домов, медленно шла густая толпа мужчин и женщин, а над нею колебался глухой, неясный шум. Серые, сумрачные лица, крепко сжатые челюсти, угрюмо опущенные глаза. Кое-кто растерянно улыбается и развязно шутит, стараясь скрыть обидное, тяжёлое сознание бессилия. Порою раздаётся сдавленный крик возмущения, но он звучит тускло и неуверенно, как будто человек ещё не решил: пора возмущаться или уже – поздно?..».

Содержание

I	5
II	7
III	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Максим Горький

Тюрьма

I

Над городом неподвижно стояли серые тучи; на грязную землю лениво падал мелкий дождь, окутывая улицы тусклой, дрожащей тканью...

Окружённая плотной цепью полицейских, по мокрому тротуару, прижимаясь к сырým стенам домов, медленно шла густая толпа мужчин и женщин, а над нею колебался глухой, неясный шум.

Серые, сумрачные лица, крепко сжатые челюсти, угрюмо опущенные глаза. Кое-кто растерянно улыбается и развязно шутит, стараясь скрыть обидное, тяжёлое сознание бессилия. Порою раздаётся сдавленный крик возмущения, но он звучит тускло и неуверенно, как будто человек ещё не решил: пора возмущаться или уже – поздно?

Усталые лица полицейских озабочены, озлоблены. Капли дождя тускло блестят на шапках и усах. И на людей, – побеждённых без боя, – вместе с дождём лениво падают крупные, липкие хлопья снега – опускается угрюмая печаль.

– Загоняй во двор! – крикнул кто-то осипшим голосом.

Началась давка, люди, как овцы, тесно прижимаясь друг к другу, тёмным потоком вливались во двор. Их негодующие крики зазвучали громче, нервнее, послышались резкие возгласы озлобления, высокие голоса женщин зазвенели слезами...

Весёлый, добродушный здоровяк, студент первого курса Миша Малинин шёл в середине толпы и наивными голубыми глазами жалостно осматривал бледные, злые, растерянные лица вокруг себя. Крики женщин, нервный смех, глухой ропот волновали его; задыхаясь в тесноте, полный тяжёлым чувством стыда, готовый плакать от негодования, расталкивая окружающих, он старался скорее пройти во двор, чтобы спрятаться там, отделить себя от всех, остаться одному.

... Чьи-то маленькие цепкие руки крепко схватили его за рукав пальто – он увидел перед собой бледное лицо с огромными влажными глазами. Это лицо, мокрое от слёз или дождя, поднялось к его лицу, и ярко-красные, судорожно перекошенные губы, вздрагивая, горячо зашептали:

– Я – не пойду!.. я не могу, не хочу! Он толкнул меня... он не смеет... скажите ему...

Девушка задыхалась, трясла головой, и чёрные кудри мятежно осыпали её мокрые щёки и белый высокий лоб.

– Не смеет! – вдруг закричала она, покрывая своим голосом весь шум, взмахнула рукой, выпрямилась, и глаза её вспыхнули.

Тогда и в груди Миши тоже вспыхнул огонь, жгучими струйками разлился по жилам, выжег стыд, наполнил грудь юношеской отвагой. Миша рванулся вперёд, – чёрная масса расступилась под его напором, как грязь от камня, упавшего в неё... Он увидел перед собой высокого человека, в серой шинели, и звенящим голосом закричал на него:

– Вы не смеете бить!

– Да – э! Кто ж бьёт? – раздражённо отмахнувшись рукой, возразил серый человек. Его утомлённое лицо с рыжими усами исказилось пренебрежительной гримасой, и, положив руку на плечо Миши, он сказал:

– Ну, прошу вас, – идите же!

Миша видел его гримасу и почувствовал в сердце острый укол обиды.

– Я – не пойду! – свирепо закричал он. – Мы не пойдём... мы не стадо! Довольно насилий!

Все красивые, сильные слова, какие он слышал о свободе, о человеческом достоинстве, хлынули из его груди горячим ручьём и засверкали над людьми, зажигая у одних гнев, у других – страх. Опьянённый звуками своего голоса, оглушённый пёстрым вихрем криков, он закружился в толпе, точно искра в чёрной туче дыма, и не заметил, как его схватили, вырвали из толпы, – очнулся только на извозчике.

Широко открыв глаза, он жадно глотал воздух и вздрагивал, полный здорового, радостного возбуждения, ещё не отдавая себе отчёта в том, что произошло. Рядом с ним, обнимая его за талию, сидел околоточный надзиратель, молодой человек с чёрными усами и со шрамом на правой щеке. Лицо у него было угрюмое; крепко сжав губы, он прищуренными глазами смотрел вперёд и всё дотрагивался до щеки левой рукой.

– Вы меня... куда? – добродушно спросил Миша.

– Ввв – часть... – сквозь зубы ответил околоточный, и лицо у него болезненно вздрогнуло.

– Вас – ударили? – сочувственно осведомился Миша.

– З-зуб болит... чёрт! – промычал околоточный, ткнул извозчика кулаком в спину и злым, истерическим голосом заныл: – Да поезжай ты скорее... будь проклят!

Извозчик – седой, маленький старик – повернул к нему лицо и, ласково моргая красными слезящимися глазами, утешительно сказал:

– По-спеем, ваша благородия... в тюрьму не в церкву, никогда не опоздаешь...

– Поговори у меня! – прошипел околоточный. Извозчик пугливо задёргал вожжами и забормотал на лошадь:

– Эх ты... н-ну...

По улице, в густом, липком тумане, суетливо мелькали тёмные фигуры прохожих – казалось, что они сбились с дороги в этой серой, влажной мгле и беззвучно, тоскливо мечутся, не зная, куда идти. С глухим шумом и воем проносились вагоны трамвая, под колёсами у них вспыхивали злые, синие искры, а внутри вагонов сидели чёрные люди. Непрерывно звучал усталый лязг подков по камням мостовой, появлялись жёлтые огни фонарей, растерянно вздрагивали и, ничего не освещая, – исчезали, проглоченные туманом. Резиновые шины пролётки торопливо подпрыгивали по неровной мостовой, и в груди Миши тоже что-то начало дрожать мелкой, неприятной дрожью.

У ворот полицейской части кто-то низенький, толстый и серый, как туман, сказал сиплым, равнодушным голосом:

– Эге! Ще одного привезли? А местов – вже нема!.. Их благородие казали – нехай возют прямо у тюрьму...

– Чтобы черти побрали... – застонал околоточный и вдруг, повернув к Мише страдальчески сморщенное лицо, укоризненно заговорил:

– Вот, господин студент... да-с! Говорите тоже – мы за народ!.. а... а больной человек должен возить вас... несмотря ни на что!

И, резко отвернувшись, он крикнул извозчику:

– Ты! Ну... в губернскую!..

Мише хотелось рассмеяться, но, не желая обижать больного человека, он сдержался, помолчал и потом ласково заметил:

– Вы бы – креозотом...

Околоточный не отозвался. И уже только у стены тюрьмы, слезая с пролётки, он уныло проговорил:

– Пробовал и креозотом... не помогает!.. Пожалуйте!

II

В тюрьме тоже не оказалось свободных мест, Мишу посадили в небольшую камеру для уголовных. Седой, высокий надзиратель, с длинным лицом, острой бородкой и бесцветными, неподвижными глазами, с громом запер толстую грязную дверь и, наклонясь к прорезанному в ней круглому окошечку, сказал, точно в рупор, глухим, ровным голосом:

– Ежели что занадобится – позовите...

Юноша осматривал камеру. У двери, с левой стороны, тяжёлым треугольником выступала печь, к ней плотно примыкали покатые грязные нары на четверых; они тянулись по всей длине стены до окна, заделанного толстой железной решёткой. Между нарами и правой стеной оставалось свободное пространство, шириною аршина в полтора, кроме нар в этой грязной, угрюмой комнате – ничего не было. Иссечённый трещинами каменный свод изгибался тяжёлой аркой, опускаясь у левой стены почти до уровня нар. В самой высокой точке свода горела покрытая пылью электрическая лампочка, освещающая стены, покрытые пятнами от раздавленных клопов и какими-то надписями.

Над нарами около печи были начертаны, должно быть гвоздём, столбцы цифр – кто-то слагал, делил и множил их, заполняя этим пустоту дней, проведённых здесь. На тёмном пятне высохшей плесени крупными буквами было написано:

Мы из Вязьмы два громилы
Вместе по миру ходили,
С за угла копейку срубим,
На неё краюшку купим
И – хряпаем.

Миша улыбнулся, думая, что значит – «хряпаем»?

«Должно быть – жадно едим!» – решил он, всматриваясь в нестройные ряды букв, весело рассыпанных по стене. «Два громилы» представились ему отчаянными весельчаками. Миша прочитал стихи ещё раз и засмеялся...

За дверью камеры раздались шаркающие шаги, глухой голос сердито спросил:

– Вы – что?

Миша вздрогнул, обернулся, – из квадрата, прорезанного в двери, на него смотрел холодный, неподвижный глаз...

– Вы – звали?

– Нет. Я – смеялся.

Глаз подпрыгнул куда-то кверху, долетел тусклый и как будто обиженный голос:

– Здесь не смеются...

Пред Мишей мелькнуло худое, длинное лицо надзирателя, его круглые, бесцветные глаза, седые мохнатые брови, высоко поднятые над ними, широкий лоб, обтянутый жёлтой, морщинистой кожей...

Студент вздохнул и стал читать надписи. На потолке, там, где, лёжа на нарах, легко было достать до него рукой, кто-то очень тщательно, печатными буквами написал:

«Сдесь сидел Якоф Игнатив Усоф. По убийству жены и Сашки Грызлова за подлость иху. Винваре это было. 1900. Выпустил им кишки».

Миша снова вздрогнул. Его поразило содержание надписи и ещё больше – тщательность, в которой чувствовалось, что Усов твёрдо верит в своё право убивать людей.

Он хотел представить себе Усова и не нашёл для него человеческого образа, – этот спокойный убийца рисовался в его воображении бесформенным, грозным пятном, и в центре этого пятна ровным светом горел тусклый, кроваво-красный огонь.

За дверью раздались тяжёлые шаги и громкий возглас:

– Смирно!

Потом загремело железо, дверь отворилась, в камеру вошли двое надзирателей и младший помощник начальника тюрьмы – маленький человек с тёмной, острой мордочкой и пугливыми мышинными глазками. Он искоса окинул взглядом фигуру студента и молча отвернулся от него. Один из надзирателей – рыжий, толстый, с большим животом – подошёл к окну и потрогал рукой решётку; другой, знакомый Мише высокий старик, неподвижно стоял у косяка двери и смотрел в лицо юноши мёртвыми глазами. Скользнув около его ног, в камеру влетела – точно облако холодного воздуха зимой – серая фигура уголовного арестанта; он быстро швырнул под нары деревянную шайку, густо вымазанную смолой, и исчез. Ушло и начальство, громко стучая ногами. Взвизгнул тяжёлый засов, потом дверь шумно заперли замком и пошли дальше по коридору, унося с собой холодный, твёрдый лязг ключей.

– Смирно-о! – донеслось в камеру Миши подавленное восклицание.

Где-то протяжно завизжал блок, хлопнула дверь, воздух вздрогнул от звука, похожего на выстрел, вновь раздался тяжёлый скрежет железа, отчётливо прозвучали мерные твёрдые шаги, ещё раз Миша услышал суровый окрик:

– Смирно-о!..

И – стало тихо, точно всю тюрьму сразу окутали мягкой, непроницаемой для звуков тёмной тканью...

Малинин почувствовал, что у него точно зуб заболел, но тотчас же устыдился тихо ноющей боли, встряхнул головой, сунул руки глубоко в карманы брюк и, громко насвистывая, зашагал по камере.

В окошке явился мёртвый глаз надзирателя, и его сухой старческий голос спокойно произнёс:

– Свистеть – нельзя!

– Нельзя? – остановясь, повторил Миша.

– Ну, да...

– Хорошо... не буду! – усмехаясь, сказал Миша, пожав плечами.

Несколько секунд глаз тускло поблестел, потом медленно всплыл вверх. За дверью прозвучали, удаляясь, мягкие шаги. В соседней камере у каторжан гудел тёмный, однообразный шум... Кто-то, должно быть, молился или рассказывал сказку... Миша подошёл к окну, встал на подоконник и, прислонясь лбом к холодному железу решётки, стал смотреть во тьму ночи... А ночь была так густо темна, что казалось – если за окно высунуть руку, – рука покроется сырым, чёрным, как сажа, налётом...

III

В тишине, точно подстерегавшей звуки и готовой резко обнаружить их, Миша почувствовал, что в нём снова растёт гордость собою.

...Среди сотни людей только он один нашёл в себе мужество смело спорить против насилия!.. Ему вспомнились влажные глаза девушки. Может быть, теперь, сидя в своей маленькой комнатке, она рассказывает подругам о том, как высокий студент говорил речь, призывая на борьбу с насилием.

Высоко в чёрном небе трепетно горели маленькие, страшно далёкие звёзды – сквозь грязное стекло окна плохо было видно их.

Миша, не мигая, смотрел в высоту, и его думы кружились в медленном хороводе, сменяя одна другую...

«Приятно будет рассказывать о тюрьме, когда выйдешь на свободу!..» – думалось ему. Он крепко закрыл глаза, подумал и через минуту взволнованно шептал:

Сквозь железные решётки
С неба в окна смотрят звёзды...
Ах! В России даже звёзды
Смотрят с неба сквозь решётки...

Четверостишие показалось ему красивым и остроумным. Обрадованный этим, он соскочил с окна и, расхаживая по камере, вслух стал декламировать, возбуждённо улыбаясь:

Ах! В России даже звёзды
Сквозь решётки смотрят с неба!

– Говорить – нельзя! – раздался тревожный, громкий шёпот.

Миша остановился и несколько секунд молча смотрел в глаз надзирателя, блестящий среди двери.

– Почему же нельзя? – спросил он наконец, невольно понижая голос.

– Запрещено!

Мише показалось, что теперь глаз точно ожил и в нём сверкает испуг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.